

Мушинский Н. И. Становление толерантности как нравственной основы справедливости в духовной жизни Беларуси

В контексте техногенных проблем, с которыми в современных условиях столкнулось человечество, принципы толерантности как нравственной основы общественных отношений, приобретают особое значение. Для всех очевидно, что истощение невозобновляемых ресурсов, ухудшение экологии, глобальное потепление климата, - требуют согласованных усилий на основе принципов справедливости. Необходимо научиться вести равноправный взаимовыгодный уважительный диалог для представителей самых разнообразных социальных и этнических групп, религиозных конфессий, расовых общностей. Однако всё ещё продолжается конфронтация, сложившаяся в 20-ом веке, в эпоху мировых войн, социальных революций, создания и распада колониальной системы. При наличии доктрины «ядерного сдерживания», взаимное противостояние принимает новые формы – локальные и «гибридные» войны, «цветные» революции, практика международного терроризма, - однако его интенсивность вовсе не снижается. Очевидно, что этот путь ведёт в тупик всеобщего самоуничтожения и окончательного разрушения природной экосистемы, однако свернуть с него никак не удаётся. Между тем, в истории присутствуют страны, населению которых многими веками приходилось вести трансграничное существование, мучительно формируя компромисс и диалог различных религиозных и этнокультурных групп, государственных образований на основе критериев справедливости. В силу специфического историко-культурного опыта, толерантность стала для них органической чертой национального характера, способной в новых условиях послужить образцом для подражания всего человечества в глобальном измерении. Предположительно, такого рода закономерности в полной мере характерны, среди прочего, для нравственной и духовной жизни населения Беларуси.

На рубеже третьего тысячелетия поучительно было бы проследить процесс становления принципов толерантности как моральной основы общественных отношений на территории Беларуси, опирающихся на универсальные принципы справедливости. Это можно сделать, в частности, на примере некоторых достаточно репрезента-

тивных письменных источников эпистолярного жанра, так или иначе связанных с культурным наследием Беларуси, таких как переписка в XVI веке князя А. Курбского с И. Грозным, а в XVII веке – канцлера Л. Сапеги с архиепископом И. Кунцевичем.

Исследуя исторические условия написания указанных документов, приходится признать, что процесс становления восточнославянского этноса изначально подчинялся общим закономерностям развития западноевропейского социума, с его плюралистичностью, рационализмом, демократическими и технократическими тенденциями. В эпоху раннего средневековья – это феодальная раздробленность с абсолютным суверенитетом отдельной личности, воинских предводителей (князей, королей, конунгов, во многом аналогичных гомеровским «басилевсам» и древнеримским «рексам» античной архайки) с их дружинами, собирающими «полюдь» с определённых освоенных земледелием территорий и берущими под свою защиту их население. Это также города – сообщества ремесленников и торговцев (аналог античных демократических «полисов», римской «республики», городских «коммун» средневековья), с их «вечевым» укладом, «выборным» самоуправлением, приглашением для защиты князей-наёмников и таким же лёгким их «изгнанием» в случае малейшего намёка на возможность узурпации власти (типичный пример – отношения Великого Новгорода с Александром Невским, Киева – с Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным). В дальнейшем плюралистическая модель показала свою экономическую эффективность в условиях промышленного переворота Нового времени, плавно перетекая в современные «западные» демократии с их научно-техническими инновациями, «рыночными» отношениями на основе частной собственности, «свободной» капиталистической конкуренцией. К сожалению, в условиях непосредственной военной опасности «западные» ценности, при которых каждый «сам за себя», и, в рамках теории «разумного эгоизма» категорически не желает ограничивать собственную волюнтаристическую «свободу» (на грани произвола) ради «общественного интереса», оказались значительно менее жизнеспособны. Типичные примеры – разделы Речи Посполитой (с её «демократической» конституцией и правом «liberum veto») в конце 18 века и катастрофическое поражение республиканской Франции от нацистской Германии в начальный период WW-II. Опасными оказались даже самые незначительные попыт-

ки демократических преобразований, предпринятые царской Россией, монархической Австро-Венгрией, кайзеровской Германией, завершившиеся их распадом в условиях мировых войн и приходом к власти более жёстких (но и более эффективных для ведения войны) «авторитарных режимов».

Впервые подобная нежизнеспособность проявилась именно на восточнославянском этнокультурном субстрате в эпоху татаро-монгольского нашествия, когда Киев, Рязань и другие разобщённые вечевые «полисы» были полностью сожжены, Новгородская республика уцелела чисто случайно и была вынуждена в условиях установившегося «ига» платить татарам дань (которую собирал, в частности, тот же Александр Невский, самыми жестокими средствами). Гордым Рюриковичам, наследникам скандинавских викингов, пришлось в буквальном смысле на коленях умолять татарских ханов о малейших послаблениях налогообложения и отсутствии новых набегов (относительно Александра Невского и Юрия Долгорукого по этому поводу существует обширная современная им иконография, причём столь унижительные факты трактуются как глубокая государственная мудрость и христианское смирение). Только постепенно древние русичи смогли осознать, что дешевле, объединившись в централизованное государство, «всем миром» на денежные и натуральные подати содержать собственную постоянную армию (поместное ополчение и стрелецкое войско), чем ежегодно платить налог «кровью» и «ясырем» (пленниками) степным кочевникам. Руководствуясь этой идеей под эгидой православия, они смогли во времена Дмитрия Донского одержать первые победы над татарами, после «стояния на Угре» сбросить ненавистное иго, а при Иване Грозном подчинить Казань и Астрахань (части распавшейся Золотой Орды), образовать вместо великого княжества - Московское царство, шагнуть за Урал. Разумеется, столь успешная военно-политическая активность требовала всеобщего единообразия и концентрации государственной власти в одних руках, поэтому её побочным результатом стали тенденции авторитаризма, отсутствие плюралистичности мнений и какой-либо толерантности к инакомыслию.

На территории Беларуси военно-политическое противостояние никогда не достигало такой остроты на грани выживания, как для восточного соседа. Разумеется, ей тоже приходилось периодически укрупнять свою государственную структуру (от разрозненных сла-

вянских княжеств – Полоцкого, Турово-Пинского – к Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой в союзе с Польшей) для более эффективной военной защиты. Однако, в целом, преобладали тенденции мирного времени, поэтому множественность и социокультурная плюралистичность оставались востребованы и продолжали развиваться («шляхетские вольности», «Магдебургское» городское самоуправление). Соответственно, в качестве духовной основы общественной жизни сохранялись ценности толерантности к разнообразным проявлениям самостоятельности в сфере политики, права, религии, этнокультурных традиций, позволяющие гуманно и гармонично устанавливать справедливые отношения между ними в рамках единого целого.

На теоретическом уровне со всей очевидностью антитеза толерантности и авторитаризма проявилась в переписке русского царя И. Грозного со своим ближайшим сподвижником князем А. Курбским, который, опасаясь за свою жизнь в период массовых репрессий, сменил подданство и укрылся на территории Беларуси. Русский царь не может примириться с этим и обращается к нему с рядом посланий, где рассуждает с точки зрения авторитарной централизованной государственности, которую он целенаправленно создаёт и укрепляет самыми жестокими средствами, борясь с боярским произволом посредством «опричнины». И. Грозный обвиняет бежавшего князя в предательстве, поскольку, по его мнению, подобный поступок далеко выходит за границы межличностных отношений «вассалитета»: царская власть является божественным установлением, а не видом «договорных» отношений между «слугами» и «работодателем», все подданные – холопы государевы, поэтому они не имеют никакого права на собственную точку зрения, требуя уважительного и терпимого (толерантного) к ней отношения от верховной власти.

А. Курбский придерживается совершенно иного мнения, артикулируя образ мыслей, распространённый на белорусских землях. С самого начала, он акцентирует тенденции рационализма, призывая руководствоваться в завязавшей полемике критическим разумом и научным интеллектом, а не чувствами и эмоциями, что совершенно недопустимо и даже унижительно для представителей воинского образованного сословия: «А к тому да укроюся от свару, понеже зело не достоит нам, воином, яко рабам, сваритися» [1, с. 108]. Не грубая

ругань, а логические аргументы должны служить основой «теории справедливости», именно так принято в белорусском обществе, «землю, иде же некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских ученые» [1, с. 101]. С методологической точки зрения, подобный «научный дискурс» позволяет, по мнению князя Курбского, конструктивно и толерантно обсуждать не только светские, но и религиозные вопросы, «иде же мужие многие обретаются, не токмо внешней философии искусны, но и во священных писаниях силны» [1, с. 106]. О том, что речь идёт именно о территории Беларуси, князь Курбский специально подчёркивает, не без сарказма подписывая своё третье наиболее подробное послание: «Писано во преславном граде Полоцку государя нашего светлого кроля Стефана, во третий день по взятию града» [1, с. 178]. Следует отметить, что восточные и северные белорусские земли уже являлись «камнем преткновения» для Московской Руси, «собиравшей» вокруг себя восточнославянские территории. А. Курбский в силу своей биографии оказался с ними непосредственно связан, причём выступая как с той, так и с другой стороны. В своей переписке с царём он признаётся вполне откровенно: «Но исповедую грех мой, иже принужден бых за твоим повелением Витепское великое место сожещи» [1, с. 108]. Однако, в конечном итоге, он осознанно явился туда уже в качестве освободителя от «московского деспотизма», полностью приняв «западный» образ мыслей на основе плюралистичности.

Это непосредственно отражается в сформулированной им трактовке справедливости, полностью созвучной более поздней теории «общественного договора» и принятой в настоящее время интерпретации справедливости как «честности» (на основе фундаментальной в 20-ом веке работы Дж. Роллза «Теория справедливости»). По мнению Андрея Курбского, перейдя на сторону польских королей (Сигизмунда и С. Батория), он не совершает никакого предательства, безнравственного поступка, поскольку отношения государя и подданных имеют негласную «контрактную» основу, находятся за пределами моральных оценок. Воины и полководцы вовсе не являются «рабами» царя, доставшимися ему по праву рождения; это по сути «наёмные работники», добровольно согласившиеся нести воинскую службу в обмен на материальное обеспечение (земельные пожалования) и юридическую защиту. Если одна из сторон не выполняет

свою часть этого негласного «общественного договора», то вторая имеет полное право его расторгнуть, подобно тому, как свободно меняет место работы современный служащий, если его перестали устраивать изменившиеся условия оплаты труда. Какие-либо уничижительные нравственные оценки («предательство», «измена», «несправедливость» и т.п.) здесь совершенно неуместны. Не могут рассчитывать на честную добросовестную службу, считает Андрей Курбский, «цари, которые опустошают свою землю и губят подданных, а должны были бы за подданных своих кровь свою проливать в борьбе с врагами» [1, с. 179]. Следует отметить, что в этой же плоскости межличностных отношений лежит право крестьян уйти от жестокого помещика в Юрьев день, тоже постепенно ограничивавшееся в рамках формирующегося крепостного права. По мнению князя А. Курбского, московский царь слишком увлёкся внутренним укреплением своей власти методом жестоких репрессий, перестал служить гарантом общественной справедливости, поэтому та же справедливость вполне позволяет покинуть его и укрыться на белорусских землях, где более толерантно относятся к точке зрения других людей: «Тебе только и остается, что браниться, а что поистине достойно царского сана, а именно справедливый суд и защита, то уже давно исчезло» [1, с. 177]. Показательно, что белорусский менталитет право смены подданства никогда не ограничивал, вполне допуская движение и в обратном направлении; собственно, так появляется «на Москве» Е. Глинская, мать И. Грозного, поскольку члены её семейства в своё время «отъехали» из Беларуси «под руку» более сильного государя.

В результате своей предусмотрительности, князю А. Курбскому удалось избежать печальной участи других представителей «Избранной рады» (А. Адашева, монаха Силивестра), которых И. Грозный упоминает в своих посланиях. Он чувствует себя в полной безопасности на своей новой родине, на белорусских землях: «Не думай царь, что мы уже истреблены тобою без вины, и изгнаны несправедливо: казенные тобой и несправедливо изгнанные взываем к богу, обличая тебя» [1, с. 120]. Здесь оказались востребованы его воинские знания и полководческие таланты, он получил новые владения, ощущает себя полноправным участником новой социокультурной общности и сообщает об этом царю: «И аще будеши мудр, в тишине духа, без гнева, ... не держай уже писати до чюжих

слуг» [1, с. 110]. На этом он и прерывает переписку, поскольку не видит смысла выслушивать бесполезные поучения, тем более, что каждый останется при своём мнении: «А еже мящесе о себе всея вселенныя учитель быти, пишеши до чюждие земли и до чюждых слуг, аки научающе их, яже паче зде смеются» [1, с. 115]. Переписка А. Курбского с И. Грозным является ярким образцом полемики распространённого на белорусских территориях миропонимания в духе толерантности с авторитарной идеологией укрепляющегося соседнего государства, с позиций универсальных критериев справедливости.

Исторически случилось так, что некоторые административные деятели, полные религиозного энтузиазма, готовы были проводить унию самыми радикальными средствами. Так, в частности, поступал архиепископ И. Кунцевич (впоследствии канонизированный римской церковью как «мученик за веру»), чем вызывал обоснованное недоумение большинства белорусского православного населения, привыкшего к уважительному толерантному отношению к представителям самых разных конфессий. Канцлер Л. Сапега вынужден был вмешаться и в возникшей переписке взять под защиту традиционную мировоззренческую доктрину. При этом он прямо обвиняет своего оппонента в отсутствии толерантности: «Поступки Вашей милости управляются скорее амбициями и собственной нетерпимостью, чем братской любовью» [2, с. 84]. В религиозных вопросах, считает канцлер, какое-либо насилие является бессмысленным и политически вредным, поскольку касается только внешней обрядности (а не внутренних убеждений), однако естественно вызывает негативную реакцию отторжения, разобщает социум, вместо того, чтобы объединять его, в чём и состоит истинное предназначение религии: «Сам Господь Бог призывает к себе всех, но слуг по принуждению не требует» [2, с. 82]. Будучи всесторонне образованным человеком, Л. Сапега обращается к словам апостола Павла, чтобы эксплицировать теоретические критерии толерантности, непосредственно увязывая её с соблюдением справедливости: «Нужно, чтобы желание всеобщего единения основывалось на принципах любви, которая милосердствует, не ищет своего, не мыслит зла, не радуется неправде (несправедливости - Н.М.), а радуется истине» [2, с. 84]. Он видит всю опасность провокационных насильственных действий, предупреждает от этого архиепископа Кунцевича, связывая в этом вопро-

се справедливость с цитатой античного поэта: «Кто любит опасность, тот впадает в нее, в частности, если речь идет о религии, как справедливо об опасности говорит стих Горация» [2, с. 85]. Суть этого стиха состоит в том, что «отступивший воин продолжит сражаться (а убитый на это уже не способен – Н.М.)» - «*vir fugiens iterum pugnabit*» [2, с. 65], если воспроизвести язык оригинала (следует отметить, что вся переписка велась на латыни, как это было принято в рамках схоластической учёности, поэтому в принципиально важных вопросах целесообразно приводить параллельно подлинный текст, а не только русскоязычный современный перевод). Так Л. Сапега указывает: «Подражать святым в страдании, дело достойное похвалы; однако не менее этого [важно] подражать им в праведности, в науке, в терпеливости, в добром примере» [2, с. 85],- «*imitari eos in sanctitate, doctrina, patientia, exemplo bono*» [2, с. 65]. В этом он видит сущность справедливости, непосредственно связывая её с принципом толерантности, как это следует из приведённой цитаты. Подобный факт отмечают и современные авторы, даже католические: «Вось жа і ў справах рэлігійных Леў Сапега аказаўся дужа справядлівым і разумным. Нягледзячы на тое, што сам у 1588 г. стаўся каталіком, ён аднолькава любіў увесь народ беларускі бяз розніцы веры» [3, с. 75]. Заслуживает внимания сложившаяся на протяжении веков мультиэтничность и принципиальная поликонфессиональность белорусского общества, разрушить которую пытался униатский архиепископ: «Евреям, татарам не запрещают службы совершать, а христианам ставишь печать на церквях» [2, с. 91]. Канцлер Сапега аргументированно отстаивает суверенитет светской власти в вопросах общественного благополучия и спокойствия, снова ссылаясь на авторитет Святого Писания: «Кесарю Кесарево, и Богу Богово» [2, с. 86], - «*Caesaris Caesari, et Die, Deo*» [2, с. 65]. Он подчёркивает, что даже выдающиеся церковные деятели не должны в столь важных вопросах противопоставлять себя государству, игнорировать советы мудрых политиков, поскольку «противящийся власти противится Божию установлению, ибо нет власти не от Бога» [2, с. 86],- «*quid potestati resistit Dei ordinationi resistit, omnis enim potestas a Deo est*» [2, с. 65], если говорить дословно. Учитывая принципы толерантности, он формулирует классическую дефиницию справедливости, указывает, что каждому человеку «справедливость воздает награду по его заслугам» [2, с. 89],- «*justitia*

praemium secundum merita ipsius retribuit» [2, с. 56]. Именно подобный принцип равного пропорционального воздаяния, «золотой середины» между действием и претерпеванием, выделялся как универсальная основа справедливости, начиная с «Никомаховой этики» Аристотеля, до настоящего времени. Очевидно, что при подобном подходе нет каких-либо изначально «правых» и «виноватых», «привилегированных» и «ущербных», все люди равны между собой в своём культурном, языковом, конфессиональном многообразии. Все заслуживают одинакового уважительного отношения на основе толерантности, только тогда они почувствуют себя полноправными членами справедливо устроенного общества; в этом состоит особенность традиционного белорусского мировосприятия.

Литература

1. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.- М., 1981.
2. Хотеев Алексей, священник. Переписка Канцлера Льва Сапеги и архиепископа Иосафата Кунцевича.- Минск, 2015.
3. Станкевіч, А. З Богам да Беларусі: Збор твораў / А. Станкевіч.- Вільня, 2008.

Шершнёва Т. В., Юневич Н. Г. Трансформация нравственности личности при развитии интернет-зависимости

Современные технологии включены во все аспекты жизнедеятельности человека. Мы не расстаемся с ноутбуком или планшетом, мы кладем смартфон в карман и вставляем в уши наушники — так велит цифровой век. Больше не нужно разрывать соединение с Интернетом, чтобы позвонить по городскому телефону: благодаря Wi-Fi мы всегда на связи. Интернет предоставляет нам широкий спектр возможностей, таких как: общение, обучение, покупки, развлечения, удаленная работа. Вне сомнений, трудно представить жизнь современного человека без всех тех благ, которые обеспечивает всемирная сеть. Новые технологии позволяют справляться за день с большим количеством дел, только оказывается, что мы сами с помощью этих технологий создаем все больше и больше проблем. Встает вопрос о моральной составляющей поведения человека в сетевом медиапространстве.